

Chernov, Viktor Mikhailovich

В. М. ЧЕРНОВ

Перед бурей

ВОСПОМИНАНИЯ

Сорус

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1953

Савинков резко высмеивал все эти нападки, основанные на незаконном смещении героя рассказа, Жоржа, с автором, а остальных персонажей — с разными его товарищами по боевой работе. Мне казалось ясным, что если Савинков и вложил что-то «свое» в Жоржа, то иное «свое» он вложил в антиподов Жоржа; я знал, что Савинков, хотя и путанно, и слабо, но всё же частично отразил в диалогах «Коня Бледного» кое-какие из глубочайших переживаний таких людей, как Каляев и Сазонов. Я знал, что из своего каторжного захолустья Сазонов требовал, чтобы его тоже исключили из партии, если будут исключать Савинкова. Общее несчастье — открытие провокации Азефа — сняло с очереди вопрос о «Коне Бледном»: вокруг Савинкова сплотилось несколько человек, задавшихся целью новыми атаками «очистить террор от пятна», наложенного участием «великого провокатора»; но слишком ли были неблагоприятны внешние обстоятельства, вмешался ли случай, или Савинков оказался несостоятельным, как «единственный глава» новой террористической организации, только из нее ровно ничего не вышло.

Савинков вернулся к литературе и в «То, чего не было» пробовал продолжить и углубить постановку морально-революционной проблемы, начатой в «Коне Бледном» — без всякого успеха. Высокомерно-пренебрежительное отношение к людям, иссушавшее его душу, могло дать только карикатуристу, а не художника революции. Верные своему догмату свободы мысли и критики, мы предоставили Савинкову право высказаться на страницах «Заветов»: но не мало крупных партийных деятелей осталось «при особом мнении», готовые уже тогда отнестись к Савинкову, как к «отрезанному ломтю». В последнем отношении, пожалуй, они проявили больше проницательности по отношению к будущему, тогда как мы — больше терпимости и уважения к формальным правам всякого несогласно мыслящего члена партии.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Наши взаимоотношения с Польской Социалистической Партией (ППС). — Доклад Пилсудского в Париже накануне 1-ой мировой войны. — Разрыв ППС с ПСР. — Война. — Раскол в социалистических рядах. — Социал-патриоты, интернационалисты и пораженцы. — Циммервальдская конференция.

Канун первой мировой войны для нас был ознаменован внезапным острым расхождением с польскими социалистами в лице известной Партии Польских Социалистов.

С самого возникновения Партии Социалистов-Революционеров у нее как-то почти автоматически установились с ППС самые тесные и даже сердечные отношения. Уже в нашем «надполье», в «Русском Богатстве» Н. К. Михайловского, со всеми польскими делами и проблемами знакомил русскую читающую публику видный член ППС Людвиг Василевский, писавший под псевдонимом Л. Плохоцкого. Естественно, что он в той же роли перешел и в нашу «подпольную» «Революционную Россию». Далее, мы всегда считали себя непосредственными преемниками и продолжателями «Народной Воли»; а одним из ее замечательных организационных достижений считалось заключение федеративного союза с предшественницей ППС, польской партией «Пролетариат». То было формальное закрепление идейной солидарности русского и польского социализма в делах их общей, единой и нераздельной непосредственной революционной войны против самодержавия: «За нашу и нашу вольность!».

В рядах основоположников и ветеранов нашего движения никаких расхождений по вопросу о наших взаимоотношениях с поляками тоже не возникало. Лично я всегда сознавал и

чувствовал себя в этом вопросе политически единомышленными с такими людьми, как Лавров, «бабушка» Брешковская, Шиш-ко, Волховской и др. Не иначе смотрели на дело и люди поколения, непосредственно предшествовавшего моему: Михаил Гоц, Минор, Гершуни. Всем нам были чрезвычайно дороги и святы великие традиции русского революционного движения, утверждавшие польско-русское братство еще со времен «декабристов» и кончая идейными основоположниками революционного народничества: Некрасовым, Чернышевским внутри России, Герценом и Бакуниным — за рубежом.

Я пишу это, чтобы объяснить, почему в рядах ППС господствовало тогда величайшее доверие к нашей партии и высокая оценка ее высоко над международными распрями поднявшейся *всечеловечности*. Но именно поэтому, помню, нас пахнуло чем-то необычным и тревожным от выступления Иосифа Пилсудского в начале 1914 г. Этот властный и энергичный лидер польского социализма всегда производил на меня такое впечатление, что социализм у него был лишь средством, а национализм целью. И оно было только подкреплено прочитанной им в Париже в январе 1914 года в зале Географического Общества лекцией, оставившей сильное впечатление.

Лектор показал себя человеком, знающим, чего он хочет, умеющим зорко следить за направлением общего хода событий, не боящимся предвидеть и предрекать ближайший их оборот и с ним сообразовать свою тактику. Пилсудский уверенно предсказывал в близком будущем австро-русскую войну из-за Балкан. Не было у него сомнений и в том, что за Австрией будет стоять — да и теперь уже скрыто стоит — Германия. Он высказал далее уверенность, что и Франции нельзя будет, в конце концов, остаться пассивным зрителем конфликта: день, в который Германия вступится открыто за Австрию, будет кануном того дня, когда Франции придется, в силу связующего ее договора, вмешаться на стороне России. Наконец, Британия, полагал он, не сможет оставить на произвол судьбы Францию. Если же соединенных сил Франции и Англии будет недостаточно, они вовлекут рано или поздно в войну на своей стороне и Америку.

Анализируя, далее, военный потенциал всех этих держав, Пилсудский ставил ребром вопрос: как же пойдет и чьей по-

бедой кончится война? Ответ его гласил: Россия будет побита Австрией и Германией, а те, в свою очередь будут побиты англо-французами (или англо-американо-французами). Восточная Европа потерпит поражение от Европы Центральной, а Центральная, в свою очередь, от Западной. Это и указывает полякам направление их действий...

Не могу похвалиться проницательностью: меня осаждали самые разнообразные колебания и сомнения. Да, полагал я, гипотеза Пилсудского не исключена. Но ведь, если Россия потерпит ряд поражений, полунемецкая дворцовая камарилья сумеет примирить Николая с Вильгельмом не чересчур дорогой для первого ценою: они как-нибудь по-новому сговорятся о Польше, но никаких «освобождений» из этого для поляков не получится: просто германская доля в Польше увеличится за счет русской. Я, увы, никак и представить себе не мог, чтобы Россия была выведена из войны и на время превращена в германского вассала какими-нибудь другими руками, а не руками Дурново и Протопопова, всегда предпочитавших сохранение дружбы с Германией. Того, что произойдет на самом деле, никто представить себе не мог: Пилсудский тоже не был исключением. Без этого никем не угаданного оборота событий план Пилсудского оказался бы карточным домиком, мечтой политического комбинатора. На этот раз, однако, история обманула все предвидения и все расчеты; но обманула так, что Пилсудский вышел на первых порах несомненным бенефициантом создавшейся конъюнктуры.

В чем должна состоять польская тактика, Пилсудский в своей лекции намекал. Но Пилсудский, видимо, считал нужным объясниться с нами напрямик и расшифровать всё, о чем в зале Географического Общества говорил обиняком. Ко мне от ППС (тогда это значило от Пилсудского) явился для совершенно конфиденциальных разговоров старый польский революционер и социалист Иодко (если не ошибаюсь, он кончил жизнь послом Речи Посполитой в Константинополе).

Этот разговор в моей памяти останется, как один из самых замечательных, которые мне приходилось вести. Длился он очень долго. Чем дальше подвигался он вперед, тем больше оба мы становились внутренне взволнованными; но именно потому в самых трудных пунктах мы держались с ве-

личайшей сдержанностью. В конце концов, понимали мы друг друга с полуслова и «агитировать» друг друга не собирались. А что мы встретились друг с другом не для того, чтобы вести переговоры, а объясниться и распрощаться, это, надо думать, Пилсудскому с самого начала было ясно, а для меня выяснилось тотчас, как только его посланник коснулся самого существа дела.

— Против истории идти нельзя, нельзя «переть против рожа», — говорил он, — не менее абсурдно было бы для нас остаться простыми зрителями событий. Это возможно для кого угодно, только не для нас, поляков. Кто в критический, поворотный момент истории не хочет встать ни на одну из борющихся сторон, тот ничего, кроме тумачков, ни откуда не получит. Если наша партия своего выбора не сделает, то поляки Кракова и Познани будут драться в рядах немецких армий против поляков Варшавы, Лодзи и Люблина. И мы окажемся, если не виновниками, то попустителями этого ужаса: брат, идущий на брата, без того, чтобы Польская Социалистическая Партия указала им выход из трагического тупика! Нет, наша партия этого не переживет. Мы не можем и не должны дожидаться того момента, когда половина поляков окажется мобилизованной в австро-германскую армию, а другая — в русскую, для целей полякам одинаково чуждых. Иного выхода нет. Мы сами должны мобилизовать всех поляков, и во имя лишь общей нашей цели: освобождения Польши, всей Польши.

— Это неплохо звучит в теории, но как это будет выглядеть на практике?

— Просто и ясно. Если первым, предварительным результатом войны будет поражение России, мы прежде всего должны добиться освобождения русской части Польши, тем более, что она и самая большая и наиболее исконно-польская из трех ее частей. Скажите мне прямо: имеем ли мы на это право или не имеем?

— Вы имеете право не только на это; но и на большее: на воссоединение всех трех частей. Но вопрос не в «праве», а в том, как это право реализовать. Вы же ведь не думаете, что на это вы будете иметь санкцию Германии и Австрии?

— А почему нет? На это будет тем больше шансов, чем

успешнее польская военная сила параллельно с германской будет очищать губернии «царства польского» от русской власти и ее сил; и чем большим подспорьем для ликвидации русской власти над Польшей будет нами организованная польская партизанщина, дезорганизующая коммуникации и вообще тыл русских армий.

— В войне нет просто параллельных действий против общего врага, а есть действия союзные.

— Это почти так, и всё же не вполне так, — история знает примеры параллелизма действий и без настоящего союза.

— Во-первых, очень плохие примеры, весьма несовершенные, по сравнению с примерами действий формально объединенных. А, во-вторых, простой параллелизм действий еще возможен там, где действующие против одного врага силы имеют каждая свой отдельный фронт и свою отдельную базу. А тут база противорусской войны может быть только целиком в немецких руках, а это ставит вас в полную зависимость от немцев: не обманывайте же самих себя.

— Пусть так, не спорю, и понимаю, что это — особенность положения, очень для нас неблагоприятная. Но над этим мы не властны.

— Значит, вы будете организовывать польские бригады, инкорпорированные в германскую армию? Вы будете частью силы, враждебной России и ее союзникам?

— Я буду с вами совершенно откровенен — только, разумеется, то, что будет мною здесь сказано с глазу на глаз, публичному оглашению не подлежит. Мы уже теперь усиленно подготовляемся на случай все-европейской войны. Да, мы готовы инкорпорироваться в одну из собирающихся действовать на русско-польской территории армий. Только мы предпочитаем германской армии — австрийскую. У нас в Галиции уже идет военная подготовка польских военных кадров... Австрию мы предпочли Германии, потому что она слабее и ей можно будет ставить условия.

— А с ее стороны не будет условий — вроде принца из абсбургской династии на польском престоле или, как наименьшее, ограничение будущего польского государства размерами только русской части Польши?

— Предположим. Однако же, с польской точки зрения, независимое государство даже только из одной части, из русской Польши — всё же лучше, чем ничего. Главное для нас — получить какую-либо свою собственную территорию, где будет формироваться самостоятельная польская армия. Не забывайте, что после разгрома царской армии европейский Запад оружия не сложит, и немецкий блок раньше или позже испытает в свою очередь судьбу России. Вот когда наступит время для освобождения и прусской, и австрийской части Польши; а немецкий принц, если таковой будет посажен, будет нами низложен.

— Значит, ваши слова о перемене ориентации на французскую есть заранее предусмотренный и планированный маневр?

— Святая истина, и для Парижа, и для Лондона это не является тайной. Первая фаза войны — мы с немцами против русских. Вторая и заключительная фаза войны — мы с англо-французами против немцев.

С минуту продлилось молчание. Наконец, Иодко снова заговорил:

— Теперь всё сказано. О подробностях и всяких возможных осложнениях будет время говорить и даже подробно дебатировать потом... если окажется, что есть смысл этим заняться. Но прежде всего — основной вопрос. Зная будущую нашу позицию в надвигающейся войне и зная общий наш план вмешательства в ее ход, — сохраните ли вы, сохранит ли ПСР сочувствие нашей освободительной войне, останется ли, в главном и целом, — нашим союзником, соединяющим свою борьбу против царизма с нашей борьбой. Или... или нам грозит расхождение?

Видя, что я молча прошелся несколько раз по комнате, Иодко прибавил:

— Я понимаю, что вы вряд ли решитесь, да и вряд ли вправе дать мне ответ без совещания с другими ответственными товарищами... Мы и сами имеем пока ввиду лишь дать вам повод и материал для такого совещания. Мы еще не воюем, время у нас есть. Да и военные тучи могут рассеяться. Но всё же ведь лучше предвидеть всё на худой конец, не правда ли?

Я вскинулся:

— Нужны ли эти оговорки? По совести говоря, они звучат неубедительно. У вас ведь война имеется в виду не «на худой конец», напротив: вы ведь в сущности возвращаетесь к мотивам времен Мицкевича — «Боже, дай нам европейскую войну, которая освободит Польшу». Вот эта-то ваша психология нас с вами теперь и разводит в разные стороны. Будущая мировая война, если она разразится, будет, с нашей точки зрения, катастрофой, от которой стынет кровь в жилах, и это не позволяет ставить на нее какие бы то ни было ставки...

— О, с точки зрения общей гуманности, — холодно-вежливым тоном, не без оттенка иронии, вставил Иодко, — поверьте, и мы вполне разделяем ваши чувства.

— Нет, вы их не разделяете, ибо они идут гораздо дальше абстрактной гуманности. Поймите же и вы нас. Война расстроит все наши планы и все расчеты, она перевернет всё вверх ногами, всё предоставит бесконтрольной игре слепых, разнузданных сил. Их последствия никем не могут быть предвидены, их величина заранее измерена и взвешена быть не может. В послевоенном хаосе может бесследно погибнуть всё, в чем мы видели лучшее из своих завоеваний, в чем была наша гордость. Тот план, который мы вычитывали и вместе боялись вычитать из парижской лекции вашего лидера, будет одной из дерзновеннейших авантур в истории. Ее успех не вовсе исключен, но если судьба им ее и увенчает, то с дальнейшими неизмеримыми последствиями, которые могут оканчиваться роковыми...

— Ваше пророчество разделяет судьбу всех пророчеств: оно туманно. Вы хотите сказать: «Крез, перейдя Галис, разрушит большое царство». Но вы забываете, что нам терять нечего.

— Терять можно не одни лишь материальные и юридические ценности, но и моральные. Скажу немного. Будь ППС не более, как чисто национальная партия...

— Более глубоко национальной, чем наша партия, в Польше нет!

— Я сказал: чисто национальная. У такой партии план ваш был бы естественным. Националист способен делать са-

мую азартную ставку на всеобщее пришествие «труса, глады, огня, меча и нашествия иноплеменных», лишь бы была достигнута его национальная цель; он не ставит вопроса, не слишком ли дорогою ценою обойдется она всему человечеству. Его лекарства всегда могут оказаться горше самой болезни. Но партия социалистическая может иметь только такую стратегию и тактику, при которой с ней сможет всё время идти в ногу и весь Интернационал.

— До Бога высоко, до Интернационала далеко. Нас сейчас интересует не он, а ваша партия.

— Наша партия? Думаю, что могу уверенно сказать за нее: с болью души нам придется отметить — наш с вами доселе ничем не омраченный союз в борьбе против царизма неизбежно оборвется.

— Как? Вы прекратите борьбу с царизмом?

— Мы ее не прекратим, но воинские части, инкорпорированные в одну из немецких армий, будут всем русским народом встречены, как его враги, а не союзники: ничего другого вы ожидать не можете.

И, на протестующий жест Иодко, я продолжал:

— Понимаю, что вы такими стать не хотите, но объективная логика вещей будет сильнее ваших желаний и субъективных намерений. Величайшее русско-польское отчуждение придет и не думаете ли вы, что из него может родиться в будущем какой-нибудь акт возмездия со стороны России?

— Должен ли я это понять, как угрозу?

— Нет, об угрозе с нашей стороны не может быть и речи. Я говорю не о *нашей* России, — когда-то она будет. Говорю о России, податливой к сведению национальных счетов о России, для которой оправданием противоположских чувств будет то, что она видела вас против себя под знаменем Габсбургов или Гогенцоллернов, для нее это безразлично...

Иодко был, видимо, глубоко взволнован. Надо было кончать. Фразы были излишни. Мы говорили на разных языках.

— Хочу верить, что польский народ когда-нибудь разочаруется в политике дерзновенных международных авантюристов и что его социалистические лидеры захотят вернуться к путям, которые сейчас нас непоправимо разделяют, на те пути,

которые нас соединили и сдружили — смею думать, на благо обоих народов. Верьте, что тогда протянутая вами рука встретит нашу братскую руку, без оглядки на прошлое, со взглядом, устремленным не назад, а вперед.

Иодко поднялся с кресла и взялся за шляпу.

— Мне тоже было больно услышать то, что я сейчас от вас услышал. Хотелось верить, что если уж не вся ваша партия в целом, то хоть лично вы, — мы вас считали испытанным другом Польши, — нас поймете и не обидите порицанием. Но нет: русский поляка, должно быть, никогда не поймет. Вы никогда не бывали в положении подобном нашему. Вам оно так же мало знакомо, как мужчине — муки роженицы. Завтра может быть, поражения русской армии заставят зашататься царский трон — русские почти всегда выигрывали от царских неудач и проигрывали от царских побед — и вы требуете от нас, чтобы мы пропустили этот момент, чтобы мы упустили случай, бывающий раз в столетие, и не попробовали вернуть себе независимость и свободу? Да, я знаю, знаю, — ответил он на мое протестующее движение, — вы скажете, что мы из огня попадаем в полымя, что кайзерское рабство внешним образом культурнее царского, но внутренне опаснее, подсекая глубочайшие экономические корни нашего бытия. Но, во-первых, мы еще посмотрим — откуда вы взяли, что нам к концу войны не удастся и от кайзерского засилья отделаться, как от царского? А, во-вторых, пусть выйдет по-вашему. Но разве нет русской поговорки: хоть горше, да поиному. Так чувствует себя вся русская часть Польши, и мы заодно с ней, мы ее плоть и кровь.

Я заранее решил оставить за Иодко последнее слово и не прерывать его. Но здесь не выдержал и поставил еще один вопрос:

— Если я правильно вас понял, вы принятие вашего «плана кампании» не ставили в зависимость от того, какое он встретит отношение со стороны нашей партии? Мы стоим перед совершившимся фактом, и решение ваше окончательное?

— Да, точно так. Вы не ошиблись. Можно сказать: «жребий брошен».

И, пробормотав еще какие-то неловкие и стесненные

прощальные слова, мы разошлись... Иодко, во всяком случае, пожелал нашей партии лучших успехов во всех ее начинаниях. Я, по совести, не мог ответить ему тем же и пожелал Партии Польских Социалистов благополучно пережить ждущие ее тяжелые испытания...

Чего-то подобного я уже ожидал и опасался. И всё же мне было неизъяснимо тяжело.

**

Едва успели кое-как зарубцеваться раны, глубоко врезавшиеся в тело партии «черным годом» раскрытия центральной провокации, как на нее налетел другой, на этот раз всеевропейский шквал — первая всемирная война. Внутренним разладом, трениями и расколом отозвалась она на социалистических партиях всего мира: но русский кризис по остроте не имел равного.

Когда разразилась война, я встретился с Б. Савинковым и П. Карповичем. Втроем мы подробно обсуждали создавшуюся ситуацию. Всецело поддерживаемый Карповичем, я развивал ту точку зрения, что эта война будет величайшей катастрофой для социализма, для демократии и вообще для всей европейской цивилизации; что она не может быть «нашей» войной, что она нам — чужая; что просто встать за «тех» или «других» из двух воюющих лагерей для нас, как социалистов, было бы идейным и моральным самоубийством; что мы должны плыть против течения и звать охваченных массовым военным психозом «опамятоваться». Я даже пытался анализировать возможные последствия трех исходов войны: 1) «вничью», по невозможности довести войну до конца из-за отказа разочаровавшихся в военных иллюзиях масс; 2) победа Антанты и 3) победа блока центральных держав; первый, в моих глазах, был самым желательным, второй — меньшим злом сравнительно с третьим. Савинков выждал, пока не высказались до конца я и Карпович (который впоследствии мне сообщил разгадку — у Савинкова никакого своего мнения не было). Затем он категорически заявил, что в общем с нами согласен; но ко всем выкладкам о возможных последствиях разных исходов относится скепти-

чески: всё это гадание на кофейной гуще. Перейдя на рельсы метафизических и религиозно-этических мотивов, знакомых нам по «Коню Бледному» и «То, чего не было», он заявил, что его отношение к войне исчерпывается тем, что сказал бы о ней Толстой: бросьте убивать друг друга, бросьте каждодневно совершать величайшие греховные ужасы, перестаньте быть сумасшедшими и омрачать свою совесть, свое моральное сознание дикими воинствующими выкриками. Только в этом — правда, всё остальное — ложные умствования, националистические или интернационалистические, равно суетные.

В это время мне — бросившемуся в изучение учебников и монографий по тактике, стратегии и философии войны, а также всего, что к ней относится, было предложено писать о войне в газету «День». Я согласился, ибо война подрезала все источники моего материального существования, и поделился этим заработком с Савинковым: он взял на себя внешнюю сторону военных действий, я — теоретическое «освещение» (конечно, цензура скоро доказала мне полную утопичность моего предприятия). Савинков стал «военным корреспондентом», вошел в круги французского офицерства, и скоро я, к своему крайнему изумлению, стал читать вышедшие из-под его пера бойкие, живые и благонамеренные антанто-патриотические очерки, в которых и следа не было того абсолютного морального неприятия крови, о котором я так недавно от него слышал.

Натансона новый кризис застиг врасплох. Когда, наконец, нам, застигнутому войною в разных странах — по преимуществу во Франции, Италии и Швейцарии, удалось съехаться на совещание в Лозанне, обнаружилось, что Натансон держится «сам по себе», не примыкая всецело ни к одному из двух разошедшихся течений партии. Одних, после факта разрыва всей европейской цивилизации на два схватившихся в смертельном поединке, более всего мучил паралич, охвативший Социалистический Интернационал, и первоочередной задачей ставилось его восстановление и выработка общесоциалистического плана сокращения периода мировой бойни, замена ее «справедливым демократическим миром» и международным правовым порядком, исключавшим новые войны. Другие видели в этом полнейшую утопию;

они приветствовали то, что война всех нас «спустила с облаков на землю, и каждого на его родную землю». Для России это значило: во имя патриотизма забыть или, точнее, временно отложить все свои счета с самодержавием и союзниками с ним социальными слоями, поставить главной задачей — единство общенационального фронта для совместной с союзниками военной победы, лишь после нее и на ее фоне производить великое внутреннее преобразование России. Вместе с этим последним Натансон считал тогда дело Интернационала проигранным и восстановление его не реальным; но, в противность им, победа царской России окрашивалась для него в самые темные цвета...

Где же выход? Он предлагал такой прогноз, как самый вероятный: победа, в конце концов, будет идти с Запада на Восток, только две половины пути история пройдет в обратном, так сказать, порядке. Сначала Россия будет побеждена союзом центральных империй, а потом германские и союзные с ними армии потерпят поражение от собравшегося с силами Запада. Эта точка зрения была им заимствована у Пилсудского.

То была макиавеллистически задуманная и сулившая непосредственный успех международно-политическая авантюра крупного калибра. Правда, успех ее создавал бы для Польши с двух сторон мощных врагов, едва ли способных забыть новому молодому государству его «двойное коварство»: немцев и русских. При территориальной же отдаленности Запада едва ли было правильно всецело положиться на его защиту в момент, когда два соседа проникнутся мыслью, что месть сладка и что расплющить Польшу между немецким молотом и русской наковальней — предприятие вполне осуществимое и обоюдовыгодное. Дальновзоркость плана была сомнительна; но таковы все авантюры. Самый же план ее осуществления, надо отдать ему должное, имел в своей основе достаточно проницательный анализ ближайшего хода событий и достаточно приноровленную ко всем его изгибам тактическую линию поведения.

Что план Натансону вчуже импонировал, понятно. Но каким образом можно было нечто подобное изобрести с русской стороны?

Савинков, вместе с подпавшим под полное его влияние Борисом Моисеенко — дебютировал «открытым письмом» к нам, где заявлял, что всякий, кто во время войны позволит себе сделать хоть шаг, направленный против царя или против капитализма, тем самым сделает шаг, направленный против России. После этого всякие отношения с Савинковым были у нас порваны. Он занялся работой над сближением народнических социал-патриотов с марксистскими: сводил Н. Д. Авксентьева и И. И. Бунакова с Г. В. Плехановым и Г. А. Алексинским.

Последние вскоре начали издавать в Париже совместно журнал «Призыв», в котором сотрудничали также А. А. Аргунов, Борис Воронов и др. с.-ры.

Мы, интернационалисты, издавали ранее «Жизнь», а потом «Мысль».

Война разрушила международные отношения социалистических партий, Интернациональное Социалистическое Бюро не функционировало. Нормальные связи его с партиями и союзами прервались.

Социалистическими партиями нейтральных стран делались многократно попытки восстановить интернациональные связи пролетариата с целью вызвать его, согласно постановлениям социалистических конгрессов в Штутгарте, Копенгагене и Базеле, на общую акцию против войны и в пользу мира. Такова была цель состоявшейся в сентябре 1914 года в Лугано италяно-швейцарской конференции. Эту же цель ставил себе лидер голландских социалистов Троельстра, предпринявший объезд некоторых стран. Результатом этого объезда явилось перенесение Международного Социалистического Бюро из Брюсселя в Гаагу. Создать же почву для совместной работы социалистических партий ему не удалось.

В январе 1915 года состоялась в Копенгагене конференция социалистов северных нейтральных стран. Конференция эта ограничилась формулировкой всеобщей программы мира, не входя в обсуждение средств ее реализации. Затем в частной, полуофициальной форме делались шаги перед М.С.Б. в тех же целях воссоздания порванных международных связей пролетариата. Но социалистическая конференция стран «согласия» в Лондоне, как и конференция социалистов двойствен-

ного союза (Германии и Австро-Венгрии), показали, что все такие попытки обречены на неудачу и что дальнейшие шаги в этом духе вряд ли приведут к лучшим результатам. Подтверждением этому послужил следующий факт. Когда Ц. К. швейцарской партии обратился к М.С.Б. с предложением созвать его пленарное собрание с привлечением представителей отдельных стран, французская партия отказалась дать на это согласие. Наконец, швейцарская партия в согласии с Ц. К. итальянской партии пригласила социалистические партии нейтральных стран на съезд, который должен был состояться 30-го мая в Цюрихе. Но большинство приглашенных партий либо совсем не ответили на предложение, либо ответили отказом.

Все эти попытки восстановить интернациональные социалистические связи ясно показали, что не только общая акция социалистических партий разных стран, но даже простой, ни к чему не обязывающий обмен мнений между ними совершенно невозможны, покуда большинство партий стоят на почве патриотизма и военной политики своих правительств.

Учитывая все эти обстоятельства, Ц. К. итальянской партии постановил 15-го мая 1915 г., руководствуясь докладом Моргари, который вел переговоры с социалистами воюющих и нейтральных государств, взять на себя инициативу созыва международной конференции. Приглашения были разосланы всем партиям, рабочим организациям или отдельным группам, раз только было известно, что они стоят на почве старых положений и постановлений Интернационала, всем тем, одним словом, от которых можно было ожидать, что они предпримут одновременно общую кампанию во всех странах против войны.

Согласно постановлению Ц. К. итальянской партии были предприняты, шаги, приведшие первоначально к предварительному обмену мнений между представителями воюющих и нейтральных стран, что имело место 11-го июля 1915 года в Берне. Здесь были намечены главные положения, которые должны были лечь в основу предполагавшейся конференции. Было постановлено, что будущая конференция ни в коем случае не должна взять на себя задачу создания нового Интернационала. Задача конференции усматривалась в призыве пролетариата к *общей акции в пользу мира*, в создании в этих

целях активного центра, в попытке вернуть пролетариат к его исторической миссии. Поэтому было решено пригласить на конференцию все организации и группы, которые готовы открыть кампанию против войны, игнорируя их принципиальные различия в области теоретического обоснования социализма.

Конференция была созвана 5 сентября 1915 года в Циммервальде (Швейцария). Заключительная часть единогласно принятого конференцией манифеста гласила:

«Мы, представители отдельных социалистических партий и синдикатов, или меньшинств в этих организациях, мы — Немцы, Французы, Итальянцы, Русские, Поляки, Латыши, Румыны, Болгары, Шведы, Норвежцы, Голландцы, Швейцарцы — мы, стоящие не на почве национальной солидарности с классом эксплуататоров, а на почве интернациональной солидарности пролетариата и классовой борьбы — собрались, чтобы вновь связать разорванные нити международной солидарности и призвать рабочий класс к возрождению своего самосознания и к борьбе за мир.

Эта борьба есть в то же время борьба за свободу и братство народов, борьба за социализм. Задача состоит в том, чтобы предпринять выступление за мир без аннексий и контрибуций. Но такой мир возможен лишь при условии решительного осуждения всякой мысли о насилии над свободой и правами народов... Никакая военная оккупация целых стран или отдельных провинций не должна завершиться их насильственным присоединением. Никаких аннексий — ни явных, ни замаскированных. Никаких навязанных извне хозяйственных или таможенных союзов, тем более невыносимых, что они неизбежно влекут за собою умаление политических прав включенной страны. Признание за народностями права располагать своею собственной судьбой.

С самого начала войны вы предоставили всё — ваши силы, ваше мужество, вашу стойкость — к услугам правящих классов, для междуусобной, братоубийственной войны. В настоящий момент дело идет о том, чтобы, оставаясь на почве непримиримой классовой борьбы, двинуться в поход во имя своего собственного дела, во имя святого дела социализма, за освобождение угнетенных народов и поработенных классов.

Обязанность социалистов всех воюющих стран — вести эту борьбу со всей энергией и пылом. Обязанность социалистов всех нейтральных стран — поддерживать всеми подходящими средствами своих собратьев в их борьбе против кровавого варварства.

Никогда еще история не предъявляла задачи более благородной и более насущной. Нет ни усилий, ни жертв, которые были бы слишком велики для того, чтобы окупить намеченную цель: восстановление международного мира. К вам, рабочие и работницы, к вам, матери и отцы, вдовы и сироты, к вам, раненые и искалеченные, к вам всем, жертвам войны, взываем мы: протяните друг другу руку через все пограничные линии, через поля сражений, через руины городов и сел, —

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

За русскую делегацию манифест подписали: В. И. Ленин, П. Б. Аксельрод и М. А. Натансон. Натансон был делегирован интернационалистическим большинством заграничной делегации нашего Ц. К. Я был делегирован организацией, издававшей эс-эровскую интернационалистическую газету «Жизнь», которая ранее выходила в Париже, а потом в Женеве. Я внес поправку к манифесту, но конференция ее отвергла.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1917 год. — Через Англию и Швецию в Петроград. — В революционной столице. — Абрам Гоц. — Народ и революция.
— «Бабушка», Натансон, Авксентьев, Минор,
— И. Г. Церетели и Н. С. Чхеидзе.

Всех треплет лихорадка: домой, домой! Множество долгих и нудных перипетий с разрешениями, визами — выездными, проездными и въездными. И, наконец, — узкий грузовой пароходик, пересекающий из «засекреченного» порта северной Шотландии, под эскортом двух миноносцев, бурное Северное море...

Что ждет нас там? В Лондоне удастся бросить первый взгляд в короткие информационные бюллетени первых дней революции. В Стокгольме — первые случайные номера петроградских газет. В них приковывает к себе знакомое имя — Абрама Гоца.

После поражения революции 1905 г. Гоцу пришлось пережить восемь долгих лет каторжных работ в Александровском Централе близ Иркутска. Срок его каторги кончился в 1915 г. Он вышел в «вольную команду» и вместе со своей семьей поселился в с. Усолье близ Иркутска, откуда ухитрился участвовать в редактировании ежедневной иркутской «Сибири».

Теперь из петроградских газет я узнаю, что с Гоцем на Петроградской конференции борется группа, возглавляемая Б. Камковым. Это — один из моих учеников, известный мне своей страстностью и отсутствием чувства меры.

Над Торнео, с «той стороны» шведско-русской границы — красное знамя. Но в таможене — личный обыск не менее строгий, чем где бы то ни было в условиях военного времени. Далее — горы, речки, озера Финляндии: поезд быстро глотает

Czerwon, W.M.

Przed buriej. Wspomnienia

New York, 1953

Fator dobry polski tekst "wiadomości"

No 345/1952

Dar

p. E. M. ~~Microbrachij~~

Wiktoria Michajłowicz Czernow

Reviol Buziej. (Wospomiucania).

Wydauciuo im. Czernowa

New York, 1953.

Rodoliat osmnasty. Str. 295-304.

W wstępie autor charakteryzuje wzajemne sto-
sunki między rosyjską Partią Socjal-Rewolucjo-
nistów i P.P.S., podkreślając polsko-rosyjskie
braterstwo w wszechrosyjskim ruchu rewolu-
cyjnym. Tym wzajemnie wzajemnie
wymawia na Czernowic wykład przez Józefa
Piłsudskiego na początku 1914r., które swoje
wzajemności obudził w nim niepokój.

„Ten wstępek i energiczny leader polskiego
socjalizmu, pisat Czernow, zawsze wywierał
na mnie wrażenie, że socjalizm był dla niego
tylko środkiem, wato miał cellem - nacjo-
lizm. To wrażenie wzajemnie ugruntował w mnie
odczyt Piłsudskiego w styczniu wygłoszony
w styczniu 1914r. w sali Towarzystwa Geograficz-
nego w Paryżu.

Prelegent okazał się człowiekiem światłomy-
ślnym, czego chce, zadowolonym wyrazem i dobre
wrażenie porannego zapanu, bez obawy
prowokować i przedstawiać ich ~~sta~~ najbliższy
preleg i dostosowywać do uci wstępu
faktyki. Piłsudski z przewidywaniem przewi-
dywał w najbliższej przyszłości austriacko-
rosyjskiej wojny z powodu Balkanów. Nie
miał on wątpliwości co do tego, że za Austrii
oponnie się Rosza, która i która stawała

Stwierdził generał Aleksander Karbutt Łucyński

2

jej utajoną, podporą. Następnie wy-
mógłbyś przekonanie, że Francja także
nie porzekała brytyjskiej strategii
konfliktu: dzięki jawnej pomocy
Austrii przez Niemcy stawienie się zapowiedzi
wystąpienia Francji po stronie Rosji
i związku z obowiązującym państwem
sojuszem. Kresenie N. Brytania, szlach
Pitruński, nie będzie mogła porzucić
Francji w jej własnym interesie. Jeżeli zaś
we wystąpieniu potężnej siły Francji
i Anglii — przetrzymywanie powściągnię-
tą na swoją stronę także i Flany Zjedno-
czone.

Następnie, kwalifikując potencjalny
wzrost tych państw, Pitruński posta-
wił obywatelstwo pytanie: jaki będzie przebieg
wojny i czyim zwycięstwem się skończy?
Obrotowe odpowiedzi: Rosja zostanie pobita
przez Austrię i Niemcy, że zaś z kolei — przez
siły franko-brytyjskie, względnie przy
współudziale amerykańskich. Wschód
Europy ulegnie centralnej Europie, a
zaś padnie pod ciosami Zachodu.
Ten przebieg staje się drogowskazem
dla Polaka i drżania Polaków.

Nie mogą pochwalnie się przewidywać;
opracowały miłe rozmaite nadzieje i
wątpliwości. Rozumowatemu, że hipoteza
Pitruńskiego nie da się wykuczyć.

Jednocześnie w wypadku szeregu porażek
 północnego kampanii dworska zdołała
 precyzyjnie poprzedzić Mikołaja z Wilhelmem
 nawet bez przesady w wysokości strat dla
 Rosji, o których powonnie dogadają się
 w sprawie Polski, gnieźąc m. in. kłopotli-
 wione Polaków, i zwracając dotychczas ^(z wyjątkiem)
 udział Niemiec kosztem rosyjskiego ra-
 botu. Miałoby, nie byłoby w sprawie umowy
 i Tomie' sobie możliwości uchywienia z Rosji
 nawet czasowego kanała Prawy przez tego
 innego w i rękami Darmowa i Protopo-
 ne, starych zwolenników przywrócić rosyj-
 sko - niemieckie. Tego, co miała się stać
 w rzeczywistości, nikt nie mógł przewi-
 dzieć, że wyjątkowo Piłsudskiego.

Gdyby nie ten niezwykły obrót ~~nie~~
 wydarzeń - plan Piłsudskiego stałby się
 domkiem z kart, manewrem politycz-
 nego gracza. Tym razem jednak hi-
 storia wywróciła kartki przewidywania
 i zwyciężyła; ale zwyciężyła im w ten
 sposób, że Piłsudski stał się uwarunk-
 owany tym samym beneficjentem tej wytwor-
 nowej koniunktury.

Piłsudski wprowadził ^(mówił) w swym od-
 kryciu o zwycięstwie przewidywan-
 polskiej kluczy, niemniej jednak
 niedocenił odroczenia potrzebę bezpo-
 średnich wyjasnień ^(wyjaśnienia) wypracowanych

4
publikowane ogólniejsze. W tym celu
zjawili się u mnie przedstawiciele P.P.S
(co wtedy było równoważone z Piłsud-
skim) dla stary polski rewolucjonista
i socjalista Jodko - z zamierzeniem odbycia
poufnych rozmów.

Była to dla mnie jedna z naj-
bardziej namacalnych rozmów, jakie
z tej otwartej twórczości, tym głębsze
ponadto była niewątpliwie wzburzenie,
i dlatego właśnie w najtrudniejszych
jej momentach stalinizmy się zachowa-
ła bezwzględnie wstrętnie i tyrosie. W re-
zultacie rozmów stalinizmy się, w i n po prostu
bez potrzeby wstępując do najciemnej
agencji. Dla Piłsudskiego ^{naprawdę} było jasne,
od pierwszej chwili, że misja Jodka nie
miała celu przeprowadzenia i uowmi
perstrakcji, że chodziło raczej o wyjaś-
nienie i rozjaśnienie się, natomiast ja
zrozumiałem jej istotę dopiero wtedy,
gdy jego przedstawiciel dobiegł sedna
sprawy.

"Nie można iść przeciw historii - mówił Jodko -
nie mniej absurdalna byłaby dla was rola zwykłych
obserwatorów wydarzeń. Jest to możliwe dla bog-
kotwick, ale nie dla was, Polaków. Kto nie chce
krytycznego pretomu historii nie opowie się po
jednej z walących stron - ten nie uzyska
znikąd nie prócz tłumaka. Jerzy uosza

5
partja nie ucywi wyboru, to krakowiaczy i po-
znanowiczy będą się bitli z rannymi armij bur-
mistrzów z Tolalewami z Warszawy, Łodzi i
Lublina. Nas wtedy obeizy od porrobratowosc'
zato, ze P.P.S. dopuscita do tej okropnosci ze
brak pomocj pomoc braku, ze nie zualenilismy
wyjscia z tej tragicznej sytuacji. Nie! nasza
partja nie pozwoli by tego. My nie moziemy
i nie pozwilismy obrotowi chwyt, mobilizacji
jednej potony Polakow pner armie austro-rie-
wreckie, drugiej potony pner armie rosyzskie
dla celon nam jedualo obcych. Niema i czego
wyjscia. My sami pozwilismy z mobilizowac'
wszystkich Polakow i to x imie wspolnego wlas-
nego celu: wyzwolenia całej Polski."

"To wiezic brami w teorii - odniedem,
ale jak będzie wygladać w praktyce?"

"Prosto i jasno - odporredniat' ludu.
Jeżeli pierwszym wywtwem wojny będzie
kleska Rosji - pozwilismy przede wszystkim
uzyskac uwolnienie rosyzskiego robotu, tym
bardziej, ze jest on najwizszym i najbardziej
polski wśród kresk częsci Polski. Porrobrac'
otwarac' - czy mamy do tego prawo, czy nie?"

"Macie do tego prawo do tego, i je nare do
czegoś wiecej; noi zjednoczenie wszystkich
kresk roboton. Ale ~~z~~ iskoto zagadnienie
wie tezy w "prawie", lecz w mozliwosci
jego realizacji. Chyba wie myslisz, ze
na takie rozwiązanie będziecie mogli ~~byc~~

miec' zgodę Niemiec i Austrii?"
 "Ila to Jodha: "I czemu by nie? Straszne
 uwarunki będą, roztę i miara, pomysłu ocy-
 szerzenia obszaru Królestwa z rosyjskich
 ziem i sił przez polskie siły wojenne równo-
 ległe z niemieckimi oraz u miara rozwoju dzie-
 łani naszej partycypacji, o zorganizowanej ko-
 munitacie i tytu rosyjskich armij."

"Nojua nie zna równoległych działani przez
 wspólnemu wrogowi - obiektem, zna tylko dzie-
 łania sojuszników."

"Prawie tak, ale nie zupełnie - odparł Jodha -
 historia bohem zwa przytędy równoległości
 działania bez rzeczywistego sojuszu."

"Zauwazyłem: po pierwsze - że przytędy, ca-
 łemu wieśtoku we współwzajemnie z przytędzeniem
 działani formalnie respolowych; powtóre: zwykły
 paralelizm działani jest możliwy tam, gdzie
 działające przeciw wspólnemu wrogowi siły każdej
 strony mają swoją własny front i swoją osobną
 barę. Natomiast w danym wypadku barę
 przeciwrosyjskiej wojny może być tylko cathosi-
 ce i ruskich w Niemczech, co ucederuje was abso-
 lutnie od Niemców, a więc we oszczędzić siebie
 samych."

"Niek i tak będzie, nie sprzeczą, ale ten
 rozumiem, że to wyjątkowo niekorzystne
 dla nas położenie, któremu nie jesteśmy w stanie
 zaradzić."

"A więc - ciągnęciem dalej - będziecie organizo-

7
zawali polskie brygady, i ukończą one
do armii niemieckiej? Bóg wie, czy sta-
nowiłyby część sił wroga wobec
Rosji i jej sojuszników?

Moi to Jodko: będą z wami w repetycie strony,
ale pod warunkiem nieujawniania publicznie
tego, co będzie wypracowane w cetero ocy.
My już teraz przygotowujemy się na wy-
padek wojny europejskiej wojny. Jesteśmy
już gotowi wejść w skład jednej z armii,
której operacje przewiduje się na polsko-
rosyjskiej łasnej wojny... Jednocześnie notimy
mnie do czynienia z armią austriacką, a
nie z niemiecką. Przygotujemy obecnie
polskie jednostki kawalerii w Galicji.

Opowiadamy się w Austrii, powiewa
jest ona słabna w Przesze, i można jej sta-
wiać pewne warunki."

"A czy z jej strony, zapytaniem - nie będą
postawione warunki - w rodzaju usięcia z dy-
nastyi Habsburgów na polskim tronie, albo
^{skrojenie} ~~ograniczenie~~ obrzaru pryncypa państwa
polskiego do granic rosyjskiego zaboru?"

"Przyjmujemy - zgodził się Jodko. Ale z pol-
skiego punktu widzenia niepodległe państwo
w granicach tylko jednego - rosyjskiego za-
boru - lepsze, niż żadne. Chodzi o to, czy
o to uzyskanie jakiegoś koferek w stosunku do Fry-
deryka, gdzie będzie tworzenia polskiej siły
zbrojnej. Nie zapominajcie, że po rozgło-

mieniu carskiej armii rozkazał nie strzelać
broni dopóki ~~nie~~ nie będzie blok niemiecki nie
podreśli łosów Rosji. I kiedy właśnie przy-
darł loty na uwolnienie niemieckiego i austria-
ckiego zaborców, a ^{poruczył nam} niemiecki ksiądz zastawie
kiedy zdeterminowany."

"To znaczy - nadumieniem - warte zgóry
zaplanowany manewr zmiany orientacji
w kierunku Francji?"

"Jest to prawda, odpali Jodko. I nie jest
to tajemnica ani dla Paryża ani dla Lon-
dynu. W pierwszej fazie wojny i decydującej
z Niemcami przez Rosji; to drugiej, kon-
cowej zajął decydując się z szeregiach anglo-fran-
cuskiej przez Niemcom."

Po drugiej części młodego Jodko konty-
nuował.

"Po mediatem wszystko. O drobniarzą
i możliwych okolicznościach będzie czas mówić,
a nawet szeregiem debatare, jeżeli to będzie
mało sens. Tędy wszystkim cois - zasad-
nicze pytanie. Skoro poradzisz nie wiesz punkt
niecierzą na nadciągającą wojnę i plan
ciągłości się naszego na jej breg, czy rozcho-
wać wy sami i Partja Social-Revolutionna
przychylny stosunek do naszego ruchu
wywolniczego, czy porostawicie na głowę
kaszymi sojusznikiem na głowiej sprawie,
Tędy nitamą walkę zewakem z naszym
walka, czy też grozi nam rozysere się?"

9
Wiadząc, że w milereniu przemianach kilka
procent powoj - Jodlew doolat :

" Rozumieniem wazna trudnosci oleczyj;
jak rozmowic niemoznosc odpowiedzi bez uprzedniej
konsultacji z wlasnymi towarzyszami...
Sami zamierzamy wazne dostawczye mar-
szajac olla talrej konsultacji. Pozewowuje-
sere ure wojna - mamy erow. Wreszcie i
chujemy wojenne mogez sie rozycie. Uremniej
jednak lepiej zowczasu przewidziec dy los,
ure prawda? "

" ^{Zachnatam sis} Etyo zaproszostowatem. Czy? potrzebu-
sz je omowienia? Przywodze sie, ze sz one
uato melomnyjace. Precer u waszym
poczci najwie nie widziere tego losu, prze-
cimer, kotore rollrechewomem: "Boie,
daj nam nozys europejska, kotora osnowodri
Polshu." J to waszoi psychologia rozdwele
was. Kwaszej ny obratui pomysla wojna
wstratowa bedzie kotkastrofa, sircujaca
krew w iylach, i olla tego me morza uoi niez
stowiac."

" Z punktu widzenia humanitaryzmu
- osiadczyt chlodno uprzejmym tonem Jodko,
niekier mi - podzielamy wasze uowier."

Ula to odpastem: nie, ny ich ure po-
obriciac, gdy? sis goy? one gdsbiej amii-
zeli abstrakcyjny humanitaryzm. Zro-
zumie ter' i uois. Kojer rozstroi wystare
uowier plawy i rachuby, przewoici

wyństwo do goiry uogoceni, roluy'ze uoi
 Tasleq uiektrotonauych, stepych, rozuzola-
 uych sit. Uastypstwa uie claudra, sig pne-
 midrieć, nie sposob emiernye' zowerasu reh
 normiary. W jowojemuje chozise more
 rgiuag'e uszysto, co uwarialisimy za swoja
 uajlepsza, rolubycz, zorego bylisimy olumns.
 Plan, ktory wysmulisimy petni obawy z
 paryskiej preleky'i uarego przywodcy,
 bebric jedua, z uajsimielszych awantur w
 lustron. Nie wyklucram jej powolrenia,
 ale jezli los bebric przyjanny, to dalsze
 jej nieuchwytkie uastypstwa mogoz oba-
 zae' sig ztonieszce"

"Nasza pnapowicouia - pnapodiat Joolko-
 uateriy olo tego samego neolu uszystkich pnapodca
 - jest mglisto. Chetisere pnapodrieć: Krez,
 pierzolia Galis, razruszył botnoze eaditro
 lre zaponiuajere jedua, ie nie mauey use
 olo stracenia".

"Morca tracic nie tylio s^{uistoty} uobry material-
 ue i prawne, lecr sake i moralne - odredem.
 "Potem tylio jedua. Idyby P.P.S. byla
 partja crysta uarodowa,.... Joolko pnap-
 rad: ~~bar~~ niena w Polsce bardziej uarodowej
 partji uir' uasza!"

Pnapodiatemi crysto uarodowa. W kaliej
 partji uat plan bytby uapetue uatual-
 ny. ^{Nacjonalist sposobien dletaj' sypnuje azarynuje stawku}
 Uacjonalista jest gotow o hazard
 uarozobserere pnapodstaje "trusa, glada, ognia i meera i
 narestrja inoplemionych".

x Nacjonalist sposobien dletaj' sypnuje azarynuje stawku
 na usieobserere pnapodstaje "trusa, glada, ognia i meera
 i narestrja inoplemionych"

11
byłoby tylko osiągnięciem wprowadzony cel; nie pyta
o cenę, jaką za to zapłaci ludzkość. Jego lewic-
ska moga się okazać gorsze od samej choroby.
Ale partia socjalistyczna może stosować tylko
taką strategię i taktykę, pool która zawsze
jest gotowa podpisać się coita Misdryuaro-
olortu.

Jodko: Do Boga wysoko, do Misdryuaro-
olortu daleko. Nas interesuje w tej chwili tylko
nana partia.

"Nana partia? Pomocnikiem: sądzę, że
mogę za nią sınıatō odpowiedzialności: z bólem
serca zamierzam beđriemny musiełi oswiad-
czyć, że olotycherasony ničem nie zamagony
woisz sojun z wami w trakcie z coratem
zostawie zeważny."

"Jako, zamierzam przerwać walkę z cor-
ratem? - zawołał Jodko.

Odpowiedziałem: nie, my jej nie prer-
wimy, ale odbratę stęcrowie oł nreurechiel
armij bōdz pier uarōł sojyjski potralito-
wawe jako krogie, a nie jako sojuszniere;
nie możemy się spodziewać czego innego.

Mimo gestu protestującego Jodki-
kontynuowatemu. Rozumiem, że nie chce
libysiere tego, ale obiektywna breg logika
necy beđrie sturyna, wiż nasze rycrenia
i subiektywizm zeważarōw. Nastąpi wielki
rozbrań polsko-sojyjski, a cy nie sądzicie,
że może on zrodzić w przyszłości olx

12

z naszej ze strony Rosji?"

"Czy macie to uważać jako groźbę, czy to jest żołądło."

"Nie - nie może być mowy o pogroźbach z naszej strony. Mnie uwi myśli uwe wasza Rosja, jako ludzki będrze. Mówię o Rosji podatkowej o dokonaniu nowoobowiąznych rozrachunków, o Rosji, której porządku uwe uważa sądzę usprawiedliwienie u tytu, że widziata was występujących przez uwe pod skandarami Habsburgów, czy Hohenzollernów, co na jedno wychodzi."

"Żołądło wydawał się gę, boło wskrzesisty. Treba było konczyć sermons. Fraszki były zbyteczne. Mówiliśmy sobie uwe i przy-
hauie."

"Pragę nie chcę, ciągnąłem, że uwe uwe polski rozstrzygnę się wtedy o polityki międzynarodowego awanturactwa i że jego socjalistyczny przywódca zowroca, z drogi, które uwe w tej chwili derła, uwe drogi i tajemności i przyjaźni, dla dobra obu narodów, śmiem mniemac'. Nie chcę mi, że wyciągnięta wtedy nasza ottoni spotka-
nie z naszym usciszeniem, bez oglądania się na przeszłość, ze zrobieniem skierowa-
nym u przyszłość."

"Żołądło wstał i z kapeluszem u we uwe. Przykro mi było usłyszeć nasrostona. Chciałem nie chcę, że jeżeli nie u we uwe"

naszej partji; to przywajmurej u was
 osobiscie spotkamy sie ze zrozumieniem,
 jako u wyprobowanego przyjacela. Polski,
 ze nie skrywacie was potepujemy. Ostrze
 sie jednak, ze niolocnie Rosjanin nigdy nie
 zrozumie Polaka. My nie byliście nigdy upo-
 sobnej o naszej sytuacji. Lwaie ja rónnie
 mało, jak ^{mało} (męczyzna zna mękę rodnienia.

Być może jutro zachwycę się carski
 tron od kłosa rosyjskiej armji; Rosjanie
 wreszcie prawie zawsze wygrawali nepo-
 rodzenia a przegrawali; ^{do} gdy carstwebzwyc-
 czeń - i my z obacze odwas, abyśmy nie
 przysiali tego momentu, za przepaści
 obawy, uadaniając się raz na sto lat,
 nie usitując odryshoi niepodległości
 wolności? Tak, niem, niem - odpowiedział
 Joolko na mój odriek protestu, - powie,
 że my z ogu'a upodamy u p'owien, że
 niewola kajzera zewiętunek jest bardziej
 kulturalna od niewoli cara, ale co to
 niewętnie bardziej niebezpieczna, jako
 podcierająca ekonomiczne podstowy
~~by~~ naszego bytu. Ale ~~stos~~ uaczym
 opieracie swoje przekonanie, że pod-
 koniec wojny niewola się nam wywo-
 lić zwróci kajzera, tak jak od b'istek
 caratu, portore, - niech nawet się tak
 stanie, jak przewidujecie, ale czyż nie
 można tu zastosować rosyjskiego postę-

obracia, ze choc' goney, to jednak
 iwoiczej; tak wtasnie napisali "rosyjska"
 czesc' Polski, o my z uiz, krew z jej krwi."
 "Juz od poczatku postawionemu poro-
 stawic' Jodce prawo ostatekogo stwa,
 ale tu nie wytnymatem i postawionemu
 mee pytaniem. Jere li' obodne was z rozu-
 umiatem - strogo "planu kampanii" nie wa-
 leizualisze od naszego dostosowania
 sz olo niego pner uasza party? Juczej
 moniac - stoyemy przed obowiazanym faktem,
 a nasza decyzja jest nieodwołalua? "

"Tak jest rzeczywise - pomiedzial Jodko.
 Nie mylicie sz. Mozna powiedziec -
 (los krytycyzmu) ~~zrobil~~ ^{zrobil} oronem. To nchitny - wyposredzial
 jezere killea niesfajacych stwa poroga-
 uiz i rozeslismy sz. W kazdym razie
 Jodko zycy tuany party powodzenia
 w dobrych pooryaniach. Sumienie
 moje wie powoli. To mi jednak odurzaj-
 jemnie' sz tyu samym, to ter' zycytem
 P.P.S. pnetwaciu robec orehuzacych
 ja doswiadczeni. Tego co sz stalo
 orehu'waciu z obaw, a mimo to bylo
 mi me pomierue czesto."

Sprawa jennyceia Lenin pner Niemcoń Czernow podaje
 w innej wersji. (str. 316) Inicjatywa wysla od esera Natanson. Staraniem
 sznebn. i szwojcar. i se. uzyskano zgodę niem. "komendatura" (?)
 na przepuszczenie pner teryt. podnialna mem. szaplomb. szagout sz
 usna, a szrobol bolszew. byl ter' i eser Natanson. Lenin byl pod obstru-
 tem ros. kot' rewoluc. za kollaboracy z Niem., ale Czernow go
 szognena.